

**Н. Е. ХАРЛАМЕНКОВА
Е. В. КУМЫКОВА
А. К. РУБЧЕНКО**

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ

ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, МЕХАНИЗМЫ

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Наталья Харламенкова

**Психологическая сепарация:
подходы, проблемы, механизмы**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Харламенкова Н. Е.

Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы /
Н. Е. Харламенкова — «Когито-Центр», 2015

ISBN 978-5-9270-0298-6

Монография посвящена проблеме психологической сепарации, результаты исследования которой в мировой науке представлены крайне фрагментарно. В книге проводится историко-психологический анализ проблемы, анализируются различные теории, подходы и модели. Исходно определяются методологические принципы исследования психологической сепарации как процесса, излагаются основные положения авторской модели сепарации. Показаны возрастные особенности процесса сепарации в детстве, подростковом возрасте, юности и в период взрослости. Приоритетным направлением исследования является анализ детско-родительских отношений, прежде всего, отношений между матерью, отцом и ребенком в аспекте рассматриваемой проблемы и с учетом фактора возраста. Значительное место в книге отведено анализу механизмов и видов, проявлений и эффектов психологической сепарации, а также исследованию этого процесса в соотношении с другими психическими феноменами, состояниями и механизмами, в том числе с депривацией и компенсацией.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0298-6

© Харламенкова Н. Е., 2015

© Когито-Центр, 2015

Содержание

Предисловие	7
Глава I. Методология исследования психологической сепарации личности	10
1.1. Философские основы конкретно-научных исследований	11
1.2. Личностный принцип и проблема психологической сепарации	14
1.3. Принцип развития в исследовании сепарации личности	16
1.4. Принцип субъекта	19
1.5. Принцип единства человека и его бытия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Наталья Харламенкова, Елена
Кумыкова, Алла Рубченко
Психологическая сепарация:
подходы, проблемы, механизмы**

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

* * *

Авторы посвящают эту книгу своим родителям и детям

– У каждого человека свои звезды. Одним – тем, кто странствует, – они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки...

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький Принц»

Предисловие

Книга посвящена одной из сложнейших проблем психологии – проблеме психологической сепарации, которая в обыденной психологии, да и в научной литературе часто ассоциируется с процессами отделения, обособления и даже разрыва отношений. Действительно, современные работы по сепарации обычно касаются таких явлений, как неполная семья, развод, депривация, когда обсуждаются проблемы психологической готовности/неготовности к разъединению, а также последствия эпизодической или хронической разлуки, нередко травматического характера. Этот круг проблем принято решать в соотношении с внутренними процессами, т. е. в связи с переживаниями, когнитивными реконструкциями, особыми объективными отношениями, симптомами и синдромами: с сепарационной тревогой, синдромом покинутости, чувством внутренней пустоты и др. В специальной научной литературе эти феномены описаны достаточно подробно с использованием метода анализа единичного случая, с разбором отдельного примера, который, однако, не всегда позволяет должным образом обобщить полученную информацию и использовать ее.

Надо ли говорить, что идиографический подход к исследованию психических явлений давно признан адекватным методом сбора и анализа эмпирических данных, однако, как отмечал Гордон Оллпорт, он не может быть применен без сопутствующих ему обобщающих стратегий, устанавливающих в науке законосообразность, типичных для номотетической традиции. Превалирование идиографических приемов в исследовании психологической сепарации привело авторский коллектив к идее написать книгу, которая частично устранила бы установившееся несоответствие между уникальным, единичным, неповторимым и универсальным, общим, законосообразным в понимании природы, детерминации, механизмов и феноменов психологической сепарации. Акцент, сделанный в монографии на внешних и внутренних механизмах, вызван столь же выраженным акцентом в понимании сепарации в обыденном сознании, часто трактуемом это явление как внешнее, физическое отделение, как завершенное событие.

Возникает вопрос: так ли необходимо обращение в настоящем издании к внешним механизмам сепарации, не стоит ли вывести эту проблему за границы «внешнего»? Проведенный историко-психологический анализ литературы показывает, что не стоит отказываться от изучения внешних проявлений процесса сепарации, поскольку они обычно связаны с внутренними механизмами сепарации и позволяют понять природу внутреннего мира, природу внутренней свободы и независимости. Понимая психологическую сепарацию как процесс, в который личность включена в течение всей своей жизни, мы рассматриваем его как постоянное совершенствование себя, как путь к себе в системе отношений с другим человеком, другими людьми и миром в целом. В нашем понимании сепарация – это не столько отделение, *отдаление* от людей, сколько процесс становления себя, своей самобытности *в кругу* людей, в тесном взаимодействии с ними. Только так, как нам представляется, можно исследовать этот уникальный процесс становления человека, его развития и поиска новых путей к себе, который не прекращается всю жизнь.

Книга состоит из предисловия, 13 глав и заключения.

В первой главе «Методология исследования психологической сепарации личности» проводится анализ методологических, т. е. наиболее общих философских оснований изучения проблемы сепарации; выделен ряд принципов, которые задают своеобразную систему координат, удобную для проведения обобщенного, методологического анализа проблемы. Система принципов, которая обсуждается в этой главе, включает в себя личностный принцип, принцип развития, принцип субъекта, принцип единства человека и его бытия; рассматриваются отдельные аспекты выделенных принципов, обсуждаются задачи, поставленные в последующих главах книги.

Во второй главе «История исследования проблемы сепарации» представлены разные точки зрения, разные подходы к исследуемой проблеме; анализируются психоаналитический, когнитивный, бихевиоральный, гештальтпсихологический подходы, теория привязанности, представлены современные точки зрения на проблему. По мере изложения историко-психологического материала выделяется система понятий, с помощью которой обозначаются типичные проявления и сам процесс сепарации.

В третьей главе «Теория психологической сепарации» представлена авторская модель сепарации и ее теоретические конструкты, разработанная коллективом авторов на основе теоретического и историко-психологического анализа проблемы. Формулируются основные положения авторской концепции сепарации.

Четвертая глава «Особенности процесса сепарации в детском и подростковом возрасте» посвящена детям и подросткам и особенностям процесса сепарации начиная с младенчества и заканчивая старшим подростковом возрастом. Представлены результаты многочисленных исследований, направленных на прояснение вопросов, связанных с формированием у ребенка и подростка интегрированной идентичности и становления автономности. Значительное внимание уделяется моделям привязанности и в целом детско-родительским отношениям.

В пятой главе «Психологическая сепарация при нарушениях развития подростка» авторы обращаются к особой феноменологии, к такой реальности, когда основные условия, способствующие развитию подростковой автономности, по разным причинам не соблюдаются. Предметом исследования становится картина взаимодействия взрослого с подростком при нормальном развитии и при задержках развития. Рассматриваются особые случаи дизонтогенеза – задержки полового развития, вызванные хромосомными аномалиями. Обсуждаются компенсаторные варианты реализации задач сепарации.

Шестая глава «Психологическая сепарация в юности» посвящена теоретическому анализу психологических подходов к сепарации-индивидуации в юношеском возрасте с акцентом на том, какова роль родительской семьи в формировании автономности и психологической зрелости, какие общие механизмы формирования идентичности включены в содержание процесса сепарации-индивидуации и развития личности в юности. Представлены отечественные и зарубежные концепции сепарации-индивидуации, подчеркивается важность позиции отца, матери и сверстников в развитии интегрированной идентичности и чувства автономности.

В седьмой главе «Сепарация и депривация» осуществлен этимологический анализ терминов «сепарация» и «депривация» и ряда других, близких по содержанию понятий. Представлена актуальная проблема госпитализма и депривации, сопоставлены процесс сепарации и депривация как на уровне теоретического осмысления проблемы, так и на уровне эмпирической проверки гипотез. Определено, что эпизодическая и хроническая семейная депривация в детстве способствуют формированию искаженного отношения к себе и в последствии отражаются на отношении юношей и девушек к своим родителям.

В восьмой главе «Взрослость и процесс сепарации» заострена проблема внутренней и внешней сепарации и показано, что она не имеет строгой привязки к определенному возрасту (например, к подростковому периоду или к периоду юности), а актуальна на всем протяжении жизненного пути человека. Приведены теоретические и эмпирические данные о специфике процесса сепарации у взрослого, осуществлено сравнение признаков сепарации в юности, в ранней и поздней взрослости.

Девятая глава «Отношения мать – дочь: признаки психологической сепарации» направлена на сужение проблемы сепарации и на исследование особых взаимосвязей, устанавливаемых между матерью и дочерью. В главе представлены результаты теоретического анализа проблемы и эмпирическое исследование, в котором использовались опросниковые и проективные методы. Обсуждается проблема динамики отношений мать – дочь в процессе жизненного пути и роль в этих отношениях других значимых субъектов, в том числе отца.

В десятой главе «Механизмы психологической сепарации в отношениях мать – дочь» описываются как универсальные, так и специфические механизмы процесса индивидуации матери и дочери. Выявляются механизмы реализации процесса сепарации в зависимых и независимых парах с учетом отношения матери с собственной матерью. Рассматривая внутреннюю независимость как системный признак становления отношений в парах мать – дочь, утверждается, что ощущение своей автономности, авторства своей жизни определяет все многообразие человеческих отношений, меняя не только представление о себе, но и представление о других субъектах, о мире в целом.

Одиннадцатая глава «Специфика психологической сепарации в отношениях ребенка с отцом» по существу посвящена психологии отцовства, которая, как считается, является одной из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства. Показано, что история не знает аналогов столь высоких ожиданий относительно вклада отца в жизнь ребенка, причем не экономического или статусного обеспечения его жизни, а именно эмоционально-психологического участия в детских проблемах. Приведен обзор литературы по психологии отцовства, показано изменение ролевой структуры отца в зависимости от истории развития общества. Формулируется предположение, что процессы внешней и внутренней сепарации имеют здесь обратную связь: внешняя травматическая сепарация, произошедшая в детстве, может вести к осложнению внутренней сепарации в детском, подростковом возрасте и препятствовать формированию внутренней независимости и зрелого Эго в период взрослости.

Двенадцатая глава «Механизмы внешней и внутренней сепарации в отношениях между отцом и ребенком» включает результаты эмпирических исследований, направленных на анализ различных функций отца. Отдельно изучаются функция защиты и функция дифференциации идентичности (в том числе гендерной) и их связь с процессом внешней и внутренней сепарации. Сравниваются аналогичные функции отца и матери. Делается вывод о том, что при поддержке отца ребенок ощущает необходимость становления собственной автономии, а при поддержке матери – потребность в развитии чувства общности с другими людьми и важность принятия от них социальной поддержки.

Глава тринадцатая «Сепарация и компенсация» посвящена механизму компенсации в осуществлении процесса сепарации при отсутствии достаточных условий для его реализации. Дается исторический экскурс в исследование проблемы компенсации, рассматриваются различные теоретические подходы, определяется специфика компенсации как способа достижения чувства автономности при отсутствии явных признаков сепарации.

В заключении обсуждаются перспективы исследования проблемы психологической сепарации и ее механизмов.

Глава I. Методология исследования психологической сепарации личности

1

¹ Результаты методологического анализа проблемы психологической сепарации частично опубликованы в статье: Харламенкова Н. Е. Конкретно-научная методология исследования личностной автономии // Вестник РГНФ. 2013. № 1 (70). С. 124–132.

1.1. Философские основы конкретно-научных исследований

Философско-методологические основания исследования любой научной проблемы позволяют определить границы ее изучения и очертить смысловые аспекты теоретического анализа. По мнению Н. С. Мудрагей невозможно представить себе творчество любого художника в отрыве от его философских взглядов на мир, на собственную деятельность, которые хотя и имплицитно структурируют пространство его научного поиска (Мудрагей, 2005, с. 581).

Споры о роли философии в конкретно-научных исследованиях ведутся до сих пор. В XX в. к этой проблеме обращались Л. Витгенштейн, К. Поппер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие видные ученые. Согласно Витгенштейну, философия осуществляет концептуальное прояснение, определяет пределы мыслимого и немислимого, «ограничивает спорную территорию науки» (Витгенштейн, 2001, с. 17). Для Сартра философия позволяет понять и постичь специфику человеческого существования, определить его подлинное отношение с миром. «Философия – это то, посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности», – говорит Карл Ясперс (Ясперс, 2001, с. 228), убедительно доказывая, что, прибегая к философии, мы удивляемся, сомневаемся, получаем опыт проживания пограничных ситуаций, но, самое главное, выражаем все это через коммуникацию, ведь «вся философия принуждает к общению, выражает себя, хотела бы быть услышанной, что ее сущность есть сама сообщаемость, а эта последняя неотторжима от бытия истинного» (там же, с. 235).

О специфической роли философии в решении научных проблем говорили и отечественные философы. Философия не создает специального знания о мире, не добывает его, она лишь строит при помощи знания, которое получают естественные и гуманитарные науки «общую картину мира, необходимую человеку, чтобы жить в мире и ориентироваться в его явлениях» (Трубников, 2001, с. 424). Для философии важной функцией выступает не анализ, а синтез: она связывает человека и мир, позволяет субъекту понимать, а не только знать, осмысливать связь знания о действительности. Это взаимный процесс трансформации реальности в мысль и мысли в реальность характеризуется «как процесс не только приведения мысли в согласие с действительностью, но и приведения действительности в согласие с мыслью, как процесс взаимного согласования мышления и мира, имеющий вполне очевидный жизненно-значимый и жизненно-заинтересованный смысл» (там же, с. 427). Мышление в этом случае выступает не строго рациональной функцией приведения в соответствие этих двух миров – человеческого и бытийного. Это осмысление, в первую очередь, направлено на одухотворение реальности человеческого бытия, а также на обогащение, наполнение реальности содержанием духа и смыслом. Осмысленность мира и одухотворенность природы человека, их взаимное соприкосновение и обогащение и являются основной целью и главным принципом философского познания, «принципом гуманистической ценности научной истины».

Придерживаясь этого принципа и в целом признавая необходимость развития представлений о природе и жизни человека как об особой ценности, мы обратились к конкретно-научной проблеме внешней и внутренней сепарации личности и ее механизмов. Разработана собственная теоретическая и эмпирическая модель сепарации личности, проведен историко-психологический анализ проблемы, а также, проанализированы конкретные эмпирические результаты исследования сепарации личности в детском, подростковом, юношеском возрастах и в период зрелости, что и привело к осмыслению общего методологического конструкта, который бы вывел эту проблему на философский уровень мышления, показал ее значение как важнейшей методологической задачи. Анализируя позицию Ж.-П. Сартра в отношении философии, Т. М. Тузова замечает, что философия для французского мыслителя –

это «труд свободы», раскрытие тайны определения человеком своего места в мире, понимание человеческого существования как индивидуального усилия, направленного на самореализацию, самоосуществление в мире. «Цель, которой подчинена сартровская философия, – опровергнуть любые формы редукционизма в трактовке „человеческой реальности“... спасти в пространстве философской мысли то, что составляет специфику и достоинство человека: его свободу как „автономию выбора“ (курсив наш. – Н. Х. и др.), основанную на способности сознания к самоопределению» (Тузова, 2001, с. 176), ведь смысл существования человека состоит не в детерминации извне, а в формулировке собственного закона существования. Пожалуй, именно эта проблема – поиска человеком своего места в мире, обретения себя как свободной личности, имеющей право на самоопределение, и выступает в настоящей книге предметом специального исследования. По существу, как пишут М. А. Розов и Н. И. Кузнецова, постановка проблемы человека обусловлена важностью вопроса о свободе выбора, а выбор определяется становлением человека как сознательного существа, ведь в ситуации выбора «человек осознает себя как субъект и берет свое „Я“ за нечто исходное, выступает с претензией на свободу» (Розов, Кузнецова, 1995, с. 18). Сознание, считают авторы, следует понимать как самоуправление, внутренний спор, самооценку, а также как «непосредственную данность мне самому мира моих представлений, ценностных установок, сомнений... способность как-то отнестись к этому миру, способность сделать его предметом рассмотрения» (там же, с. 18).

Подведем некоторый итог и отметим, что на философском уровне исследуемая нами проблема касается обретения человеком себя как свободной личности, способной осуществлять жизненные выборы, исходя из особой внутренней организации Я с целью поиска своего места в мире.

Известно, что философия выполняет мировоззренческую функцию, которую не могут взять на себя конкретные науки. Под мировоззрением понимается не просто сумма сведений о мире, а система взглядов, которая определяет роль и место человека в нем, задает «систему исходных ориентиров, обуславливающих в конечном счете программу социального поведения человека» (Лекторский, Швырев, 1972, с. 21–22). Задачи, которые ставятся на уровне конкретно-научной методологии, обычно не могут полностью исчерпать задач, формулируемых на уровне философской методологии и на уровне общенаучных принципов и форм исследования. Это разные по своему обобщению и масштабности вопросы. Так, философская рефлексия над наукой предполагает рассмотрение таких наиболее общих проблем, как достижение знания, истины, как отношение между субъектом и объектом, отношение форм знания к внешнему миру, и не может заменить собой внутринаучную рефлексия, основанную на конкретно-научной методологии. Оба вида рефлексии взаимно дополняют друг друга, обогащая и наполняя новым содержанием и смыслом.

Конкретно-научная методология, находясь в тесной связи с философской методологией, не абстрагируется от специфических задач, сформулированных в терминах конкретного научного знания, но позволяет определить общие методологические принципы, на которых затем проводится историко-научный анализ проблемы, конструируется теоретическое и эмпирическое знание. По-существу, средствами конкретно-научной методологии осуществляют переход от методологического к теоретическому уровню исследования, все более специализируя поставленную задачу, сужая ее предметно и переформулируя в терминах конкретной научной дисциплины. В этом смысле понятно, что проблема самоопределения человека, обретения себя как свободной личности может изучаться разными науками – социологией, историей, этикой и, конечно, психологией. Причем даже в контексте собственно психологического знания она может быть по-разному теоретически осмыслена и эмпирически исследована.

Методология научного исследования позволяет определить наиболее общее направление анализа проблемы, сформулировать исходные принципы, раскрыть их содержание, выделить

конкретные теоретические конструкты, а последние – операционализировать и выразить в виде эмпирических переменных (Методология комплексного человекознания... 2008).

Наиболее приемлемый и принятый в психологических работах подход к изложению методологических оснований исследования состоит в перечислении и подробном обосновании общих принципов исследования, на которых конструируется авторская теория. Каждый из принципов следует рассматривать как некоторую мировоззренческую установку, в ракурсе которой изучаемое явление представлено с определенной точки зрения и начинает видеться по-особому. Примечательно, что не в любом исследовании в результате проведенного методологического анализа выделенные мировоззренческие установки организуются в единую систему принципов, что не совсем верно, поскольку ожидается, что уровень методологии, как и уровень теории, должен иметь целостный, заверченный вид (Барабанщиков, Журавлев, Кольцова, 2007).

В настоящем исследовании выделен ряд принципов, которые задают своеобразную систему координат, удобную для проведения обобщенного, методологического анализа проблемы, а последующая систематизация этих принципов облегчает конструирование теоретической модели сепарации личности с учетом различных факторов. С нашей точки зрения, именно такой методологический анализ проблемы необходим для прояснения задач теоретического и эмпирического исследования сепарации личности и для получения данных, подтверждающих или опровергающих исходные теоретические и исследовательские гипотезы. Так называемые методологические фрагменты оставляют неполное впечатление об изучаемой реальности, создают ощущение ее расколотости, разрозненности. Именно поэтому обращение к методологии с целью получения синтетического знания высокого уровня обобщения, которое не оторвано от действительности, а гармонично и опосредованно (через теоретические утверждения) связано с уровнем реальности, с эмпирическими находками и фактами, создает уверенность в правильности выбранного пути. «Этот поиск, и только он, позволяет определить тот необходимый, а часто и единственный пункт, где философия не просто вступает в живой и непосредственный контакт с действительностью, с самой реальностью человеческого бытия, но где рождается как философия, то есть как специфически человеческая духовная деятельность, как специфическое синтетически-аналитическое... отношение к миру» (Трубников, 2001, с. 426).

1.2. Личностный принцип и проблема психологической сепарации

Система принципов, которая будет обсуждаться в этой главе, включает личностный принцип, принцип развития, принцип субъекта, принцип единства человека и его бытия.

В истории психологии *личностный принцип* появляется в связи с преодолением идей функционализма как направления, изучающего отдельные психические функции – ощущение, внимание, память и др. в отрыве от человека и его целостной психики. Необходимость введения личностного принципа была продиктована решением непростой задачи – преодоления постулата непосредственности, благодаря которому связь между сознанием и деятельностью не была обусловлена активностью субъекта, который просто исключался из этой связи. С. Л. Рубинштейн показывает, что проблема соотношения внешнего и внутреннего, природного и социального, разрешается только в том случае, если человек как субъект вводится внутрь, в состав бытия, интегрируя в себе все многообразие проявлений человеческого и обнаруживая собственную, аутентично присущую ему активность. Это значит, что внешние воздействия действуют только через внутренние условия, т. е. через сложную систему психодинамических и содержательных свойств психики, при этом ощущение, восприятие, память, мышление в какой-то мере выступают как функции личности, которые в определенном смысле зависят от ее мотивации, установок, ценностей, склонностей. «Исчерпывающее рассмотрение психических процессов – восприятия, мышления (а не только, скажем, чувств) должно включить и „личностный“, и, в частности, мотивационный аспект соответствующей деятельности, то есть выявить в них отношение личности к задачам, которые перед ней встают. Однако это никак не значит, что можно рассматривать восприятие, мышление и т. д. только как частное проявление от случая к случаю изменяющегося отношения личности к ситуации» (Рубинштейн, 1959, с. 123).

Вслед за включением личностного принципа в методологию психологии, постепенно сама личность становится предметом самостоятельного исследования: изучаются структура и жизненный путь личности, уровни развития личности, самосознание и рефлексия. Рубинштейн подчеркивает, что человек как личность выступает в качестве носителя общественных отношений, он «сознательно определяет свое отношение к окружающему» (там же, с. 122), занимает особую позицию во взгляде на мир. Появляются не только теоретические, но и эмпирические исследования в области психологии личности; личностная проблематика становится актуальной как в гуманитарном, так и в естественно-научном направлении психологии.

Формулируя проблему самоопределения человека в мире, представленную на теоретическом уровне как внутренняя и внешняя сепарация личности, невозможно не коснуться важного аспекта, о котором говорилось выше, а именно: человек всегда мыслится как часть реальности, бытия, по отношению к которому он выражает свое мнение и в котором он находит свое место, самоопределяется. «Сознание в психологическом его выражении – это процесс осознания субъектом объективного бытия, находящегося вне сознания; сознание включено в бытие и обращено на него; из бытия черпает сознание свое содержание и к нему относит его как к независимому от него предмету» (там же, с. 149–150). Рассматривая личность с точки зрения ее социально-психологических качеств, позволяющих ей устанавливать адекватные отношения с реальностью, важно понимать, что подобное отношение возможно только тогда, когда оно транслируется самой личностью, выражая ее собственную позицию. О том, почему это именно так, речь пойдет ниже, при обсуждении принципа субъекта, а сейчас подчеркнем, что выделение *личностного принципа* как одного из методологических оснований настоящего исследования необходимо для того, чтобы показать, что формирование человека как личности проис-

ходит в определенной *системе отношений*, прежде всего, в отношениях между родителями и ребенком, становление которых происходит еще до момента его рождения.

История детско-родительских отношений, как, впрочем, и отношений с обществом в целом, характеризуется явным парадоксом, состоящим в том, что глубина и возможное развитие диады или триады наблюдаются только в том случае, когда участники этого процесса стремятся к собственной автономности и независимости.

Примечательно, что это правило распространяется на любые человеческие контакты. Так, по мнению Джеймса Холлиса, анализирующего глубину и длительность супружеских связей, с наступлением среднего возраста человеку приходится искать замену модели взаимного слияния, вследствие того, что отношения быстро истощаются, исчерпывают себя. Эта модель, по его мнению, демонстрирует отказ от идеи, что один из партнеров должен спасти другого. «Она предполагает, что обе стороны могут принять участие в индивидуации и что они по-партнерски помогают друг другу стать самими собой» (Холлис, 2008, с. 84). Избавляясь от проекций, каждый из партнеров берет ответственность за супружеские отношения на себя, и брак начинает строиться на взаимоотношениях индивидуальностей, которые в силу своей непохожести становятся интересными друг другу, реализуя свою собственную индивидуацию и одновременно создавая особое пространство, в котором происходит «совмещение одного одиночества с одиночеством другого», творение третьей топики.

Кроме конструкта «система отношений», личностный принцип задает еще одно направление исследования проблемы самоопределения человека как субъекта своей жизни. Это направление позволяет раскрыть психологические особенности человека, его *личностные свойства*. Согласно С. Л. Рубинштейну собственно личностные свойства человека – это те черты, которые обуславливают его общественно значимое поведение или деятельность. «Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям) и способности человека, то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности» (Рубинштейн, 1959, с. 119–120). Оба конструкта – система отношений и личностные свойства – взаимосвязаны и взаимно определяют друг друга, они вводятся нами в общую методологию исследования для построения наиболее общих оснований теоретической модели сепарации личности.

1.3. Принцип развития в исследовании сепарации личности

Следующий методологический принцип, без которого невозможно исследовать процесс психологической сепарации это – *принцип развития*. В монографии «Самоутверждение подростка» (Харламенкова, 2007б) отмечено, что категория развития представляет собой одно из фундаментальных понятий психологии, которым обозначают законы и закономерности динамики психического как процесса. Идея развития вошла в психологию благодаря эволюционной теории Ч. Дарвина и работам И. М. Сеченова. Именно Сеченов аргументированно доказал необходимость исследования психической реальности с помощью генетического метода, сформулировал универсальный закон дифференциации. Нами отмечено, что наиболее общие законы развития – дифференциация и интеграция – подробно проанализированы уже в трудах русских мыслителей конца XIX – начала XX в.: И. М. Сеченова, В. С. Соловьева, Н. Н. Ланге, Н. О. Лосского, А. А. Богданова.

В отечественной психологии принцип развития был реализован в положениях о гетерохронности, сложности и многомерности психической динамики, в обсуждении вопроса о движущих силах, закономерностях и детерминации развития. Принцип социальной детерминации развития разрабатывался Л. С. Выготским и последовательно изучался А. Р. Лурией; роль деятельности как способа и условия психического развития показана в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. В трудах Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова эти идеи получили воплощение в принципе единства деятельности и общественных отношений в развитии личности, в раскрытии роли общения в формировании и становлении личности, в «положении о личности как активном субъекте своего собственного развития» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988).

Понимание развития как преимущественно социально детерминированного процесса не всегда позволяет раскрыть его многообразие и многомерность, рассмотреть человека как индивида, усваивающего и присваивающего социальные нормы, правила, требования. Однако уже Л. И. Божович настаивала на признании того, что в процессе деятельности могут формироваться разные психические свойства, так как ребенок усваивает из окружающей среды то, что отвечает его потребностям, ведь «психика человека развивается не столько в меру усвоения, сколько в меру изменения субъектом окружающей его действительности» (Божович, 1968, с. 14). Тем самым альтернативность детерминации (биологическое или социальное) может рассматриваться системно (Б. Ф. Ломов, Ю. И. Александров, Е. А. Сергиенко) и представлять собой не дихотомию, а «взаимообуславливающее единство», звенья «системной детерминации единого процесса развития человека» (Сергиенко, 1992, с. 27).

Согласно Л. И. Божович, путь формирования личности заключается в постепенном освобождении человека от непосредственного влияния среды, что позволяет ему сознательно преобразовывать эту среду и себя самого. По мнению А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, это путь развития человека как субъекта деятельности, который, если посмотреть на развитие как на многомерный процесс, может происходить в ходе не только деятельности, но и общения (Б. Ф. Ломов), взаимодействия (Я. А. Пономарев) и даже созерцания (В. П. Зинченко).

Учитывая важность категории развития для психологии, С. Л. Рубинштейн придал ей статус важнейшего методологического принципа психологии. «Развитие психики является для нас не только более или менее интересной частной областью исследования, но и общим *принципом* или *методом* исследования всех проблем психологии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» (Цит. по: Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 25).

Необходимыми и достаточными характеристиками развития являются необратимые, закономерные, направленные качественные изменения организованных объектов, осуществляющиеся системным образом.

Характерными чертами развития Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина и Е. Ф. Рыбалко (1988) называют:

- преемственность между этапами,
- целостность,
- завершенность, результативность,
- структурность,

которые связаны с такими фундаментальными характеристиками развития как:

- имманентность изменений,
- направленность и необратимость,
- качественный характер.

Соединение принципа развития, дифференциации, системности, генетической заданности, эквивинальности, формирования качественно новых образований при условии осуществления взаимодействия данной системы (личности) с другими системами соответствует современным представлениям о процессе развития, которые находят отражение в системно-эволюционном (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров) и историко-эволюционном подходах (А. Г. Асмолов), в динамической теории личности (Л. И. Анцыферова).

Возвращаясь к анализируемой нами проблеме, подчеркнем, что оба принципа – личностный принцип и принцип развития – являются базовыми методологическими основаниями построения теории сепарации личности. Принципом развития утверждается положение о том, что сепарация представляет собой процесс, который охватывает всю жизнь человека, начиная с его рождения и заканчивая смертью. В динамике сепарации видится принципиальная невозможность завершить этот процесс на каком-либо этапе жизни, ведь, как мы указывали выше, человек как личность формируется и развивается в системе отношений с другими людьми. Системы имеют тенденцию сменять друг друга; перестраиваются отношения и внутри одной системы. В этом смысле личностный принцип и принцип развития тесно связаны между собой; образуют неразрывную и сопряженную пару, без которой понимание методологической основы теоретического и эмпирического исследования сепарации личности становится практически невозможным.

Анализируя отдельные характеристики процесса развития, выделенные Л. И. Анцыферовой, Д. Н. Завалишиной и Е. Ф. Рыбалко (1988), применительно к процессу сепарации, отметим, что *преемственность* между этапами можно обнаружить, прежде всего, в сохранении общего профиля и общей цели психологической сепарации, которые устойчиво наблюдаются во всех возрастах. То же самое можно сказать и о критериях сепарации, которые, за исключением ряда нюансов и особенностей возраста, выступают в качестве универсальных признаков сепарации. Непрерывность протекания этого процесса обнаруживается в актуально существующей у человека потребности в поиске своей индивидуальности, в разной мере проявляющейся у разных людей, но остающейся характерным признаком «тестирования» себя как личности. Нарушение преемственности между этапами в развитии процесса сепарации следует рассматривать как показатель нарушений и в личностном развитии.

Целостность процесса сепарации личности и становления ее автономности проявляется в специфике построения отношений с другими людьми, которая затрагивает все аспекты социального взаимодействия. Иначе говоря, если трудности в переживании своей автономности

возникают в одной системе отношений, то они будут повторяться и в других типах социальных контактов, распознаваемых и как непосредственно данные, и как проявившие себя компенсаторно. Такой признак осуществления сепарации, как целостность, стабильно обнаруживается и в тесной взаимосвязи внутренних и внешних изменений, в их системной динамике, например, в том, что у личностей с интегрированной и диффузной идентичностью паритетность социальных отношений существенно различается. Указывая на устойчивость этой закономерности, О. Кернберг пишет, что интеграция идентичности и конгруэнтность с реальностью, позволяют проводить дифференциальную диагностику личности, определяя уровень ее развития. «Качество объектных отношений во многом определяется целостностью идентичности, включающей в себя не только степень интеграции, но и относительное постоянство Я-образа и образов других людей во времени» (Кернберг, 2000, с. 27).

Завершенность сепарационного процесса в масштабе всей жизни человека следует считать идеальным случаем. В аспекте отдельных возрастных этапов завершенность сепарации может представлять собой особое состояние системы отношений личности с другими людьми и отношений к себе, к своей жизни. В этом случае высока вероятность появления таких признаков, как: 1) целостность Я, т. е. степень дифференцированности представлений о себе, позитивное самоотношение, принятие себя, определенность границ Я; 2) целостное и непротиворечивое представление о Другом, в частности, целостное представление об отце и матери, принятие Другого, способность видеть в другом человеке личность; 3) умение адекватно выражать свои чувства, реагировать на ситуацию, проявляя обиду, гнев, агрессию при ограничении самостоятельности; способность эмоционально откликаться на разлуку, критику, неодобрение; умение проявлять чувство автономности, внутренней силы; 4) отсутствие поведенческих реакций в виде отыгрывания, таких, как девиантное поведение, болезни, наркотики, пищевые зависимости, несчастные случаи и др.; 5) способность планировать жизнь без одобрения другого человека, определять временную перспективу, выдерживать ожидание. Однако выделенные нами² критерии сепарации могут быть применимы для оценки качества этого процесса только по отношению к конкретной стадии развития личности без вынесения решения об окончательной завершенности процесса сепарации.

Структурность развития отношений, построенных на основе сепарации, тесно связана с критерием целостности и заключается в особой организации социальных контактов, а также в самоорганизации, в наличии приоритетов по отношению к прошлому, настоящему и будущему, в способности влиять на ту или иную структуру отношений, меняя ее с целью более эффективного функционирования системы, что, безусловно, характеризует человека как субъекта собственной жизни.

В целом важно подчеркнуть, что применительно к проблеме самоопределения человека в жизни, поиска им своего места в мире принцип развития открывает новые возможности для теоретического осмысления проблемы сепарации личности как *непрерывного* и *циклического*, повторяющегося в разные периоды жизни в связи с решением новых задач взросления.

² Критерии сепарации личности выделены в процессе работы над темой «Внутренняя и внешняя сепарация и ее механизмы» Н. Е. Харламенковой, Е. В. Кумыковой, А. К. Рубченко, Т. С. Стоделовой, Ю. А. Латышевой, Т. А. Будневской.

1.4. Принцип субъекта

Следующим методологическим основанием исследования механизмов внутренней и внешней сепарации личности является *принцип субъекта*. Вводя понятие субъекта в систему категорий психологической науки, С. Л. Рубинштейн, прежде всего, стремился к преодолению постулата непосредственности и к критической оценке мнения о прямом влиянии объекта на субъект, во взаимодействии которых последний виделся как пассивный участник этого процесса. «Под „отражением“ мы разумеем не столько отражение объекта в субъекте, при котором образ объекта возникал бы непосредственно в результате механического воздействия объекта, воспроизводимого таким образом в субъекте, сколько отражение объекта субъектом, при котором воздействия объекта преломляются через субъект, опосредствуются его деятельностью» (Рубинштейн, 1959, с. 15). Кроме формулировки положения об *активности* человека как субъекта познания в процессе отражения реальной действительности, понятие «субъект» используется Рубинштейном для объяснения того, что не психика, сознание, а *сам человек* как познающий субъект, неотделимый от бытия, реального мира, должен стать предметом научного анализа. «Всякая попытка устранить, как недоказуемое и недостоверное, существование бытия, независимое от сознания, неизбежно приводит на другом полюсе к самоликвидации сознания» (там же, с. 154). Более того, пишет Рубинштейн, «непреодолимые трудности в онтологическом учении о сознании и в теории познания возникают, когда само сознание, – а не человек как субъект, осознающий объективный мир, – принимается в качестве одного из исходных терминов основного гносеологического отношения» (там же, с. 155).

Обосновывая важность введения понятия «субъект» в понятийный аппарат психологической науки, Рубинштейн подчеркивает, что познаваемое в качестве объекта должно быть независимо от сознания субъекта, однако самого субъекта следует рассматривать как часть материального бытия во избежание отведения сознанию особой сферы функционирования и трактовки его как уникального явления, как эпифеномена. Это одна из центральных идей философско-психологической концепции Рубинштейна, сопоставимых с высказываниями других философов о том, что человек может быть изучен во всей полноте его проявлений, только будучи включенным в общую картину мира. «И когда философия связывает человека с его потребностями и интересами, с одной стороны, и мир, понятый не „сам по себе“, но как мир человеческого бытия... в единую систему человеко- и мироведения, заданную изучением мира и заданную миру... посредством практического человеческого взаимодействия с миром, практической деятельности, только тогда философия и сохраняет свой смысл и свое право на существование» (Трубников, 2001, с. 423).

Субъект, согласно А. В. Брушлинскому, это – наиболее широкое понятие человека, «обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 22). Личность, продолжает Брушлинский, – менее широкое определение человеческого индивида, оно раскрывает глубокую взаимосвязь некоторых черт человека. Подобное сопоставление субъекта и личности накладывает на нас определенные обязательства, которые требуют сравнения этих двух понятий. Необходимость такого сопоставления вызвана, прежде всего, тем, что оба методологических принципа – личностный принцип и принцип субъекта – выступают в качестве философских оснований настоящего исследования.

Согласно установленной в психологии традиции и личностному принципу, отметим, что понятием «личность» обычно обозначают человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности, а также определяют этим понятием устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как человека того или иного общества или общности (Психологический словарь, 1983). Данное определение понятия «личность» можно кон-

кретизировать рядом дефиниций, которые были предложены известными отечественными и зарубежными учеными. Так, с точки зрения И. С. Кона, понятие «личность» обозначает человеческого индивида как члена общества, обобщает интегрированные в нем социально значимые черты. Б. Г. Ананьев определяет «личность» как субъекта общественного поведения и коммуникаций. Согласно К. К. Платонову, личность это – человек как носитель сознания. По К. Ясперсу, индивида называют личностью в том случае, когда он обладает чувством самоодвлекующего существования, чувством собственного, неделимого «Я».

Разные подходы к пониманию личности тем не менее объединяет одно: личность рассматривается с точки зрения интеграции социально-психологических особенностей, т. е. организации тех черт, которые были сформированы человеком в процессе социального взаимодействия, в ходе накопления опыта общения с другими людьми. Подчеркивается социальная и одновременно адаптивная природа человека как личности в качестве основы его функционирования. Несмотря на выраженную «социализацию личности», вряд ли можно провести жесткую границу между социальными и биологическими свойствами человека, обособив его индивидуальные качества от сугубо личностных черт. Однако, когда речь идет о личности, внимание исследователя, в первую очередь, сосредотачивается именно на содержательных свойствах психики (В. М. Русалов), на их социальной обусловленности, а уже потом (если такая специальная задача ставится) на связи этих свойств с формально-динамическими характеристиками психики, например, с такими, как темперамент (Русалов, Манолова, 2005).

Понятие личности вводится в связи с анализом системы отношений личности с социумом, а также для объяснения влияния личностных особенностей человека на *деятельность*, которая специфическим образом «окрашивается», приобретает индивидуальный характер.

Понятие субъекта используется для того, чтобы подчеркнуть важнейший аспект жизни человека, а именно аспект осознания себя и *овладения* своей жизнью, принятия активной позиции, позволяющей осуществлять *регуляцию отношений* с миром в целом, выходя за границы конкретной деятельности. Именно поэтому категория субъекта вводится для того, чтобы подчеркнуть включение человека в определенную деятельность, а также показать организацию им процесса *жизнедеятельности*, того, как он формулирует жизненные задачи, решает их, осмысливает и реализует свой жизненный путь.

Согласно К. А. Абульхановой-Славской, субъекта отличает особый уровень активности, направленной на создание «интерактивного пространства» между личностью и действительностью. Субъект обладает активностью в той мере, в какой он способен к соединению индивидуально-личностных качеств с целью осуществления взаимодействия личности с миром, готов и умеет преодолевать противоречия, находя относительно независимый от требований способ осуществления деятельности. Утверждается, что «если личность, согласно общепринятому определению, – интегративная система, если активность... – это интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, то субъект деятельности – это синтез или интеграл качеств личности в способе осуществления деятельности и требований деятельности к личности. Этот интеграл оформляется в виде... задач, в которых субъект может преобразовывать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности» (Абульханова-Славская, 2002, с. 45).

Согласно А. В. Брушлинскому, субъектом выступает человек, люди «на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности...», для которого окружающая действительность обнаруживается не в форме раздражителя или сигнала, «но прежде всего как объект действия и познания, а другие люди выступают для него тоже как субъекты» (Брушлинский, 2002, с. 9).

Субъект, интегрируя и соотнося между собой многообразие своих особенностей (природных, социальных, общественных, индивидуальных, т. е. в том числе и личностных) не только осваивает, но и строит свое бытие, ощущая его как собственное, и тем определяет свое место

в мире. А. В. Брушлинский пишет: «Конечно, формирование личности осуществляется в процессе усвоения всей человеческой культуры, но такое усвоение не отрицает, а, напротив, предполагает самостоятельную и все более активную деятельность (игровую, учебную, трудовую и т. д.) каждого ребенка, подростка, юноши, взрослого и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 71).

Если можно было бы разделить личностное и субъектное, то к первому мы бы отнесли характер человека или социально-психологические особенности, обусловленные, помимо прочего, и природными свойствами, которые определяют своеобразный стиль адаптации данного индивида к социуму, а ко второму – человека, в целостности осознающего часть этих особенностей как свои и способного реализовать и развивать их в трудных жизненных обстоятельствах, а также там, где они потенциально могут не только повышать, но и снижать общий уровень адаптации.

Для настоящего исследования принцип субъекта важен как подход, позволяющий рассматривать человека с точки зрения его внутреннего стремления к дифференциации собственного мира от интроекций, присвоенных, прежде всего, вследствие общения с родителями и другими значимыми людьми; как человека, который тестирует, развивает и актуализирует разнообразные внутренние и внешние способы личностного самоопределения, и признает за собой авторство в сделанных им высказываниях, в чувствах, в поступках.

Принцип субъекта позволяет теоретически осмыслить несколько важных аспектов проблемы сепарации личности, включив их в круг обсуждаемых вопросов. Из совокупности отмеченных выше характеристик субъекта следует обратить внимание на такие особенности как: 1) стремление к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов, 2) формирование своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей, 3) стремление к автономности и 4) организация отношений с объектами и другими субъектами в пространстве Бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути. Новый вопрос, не всегда формулируемый в связи с принципом субъекта, заключается в том, что человек как субъект жизни проявляет себя не только как автор собственного жизненного пути, но и как активный организатор отношений с другими людьми; эти отношения косвенным образом влияют на жизненный выбор самого субъекта и на выбор того человека, с кем установлены долгосрочные связи.

Последовательно остановимся на четырех аспектах принципа субъекта, которые были определены нами в связи с изучаемой проблемой сепарации личности. Первый из них – это стремление к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов. Согласно А. В. Брушлинскому, ребенок «начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.» (Брушлинский, 2002, с. 12) очень рано, уже на первом году жизни. Критериями становления субъекта, по Брушлинскому, являются, во-первых, способность 1–2-летнего ребенка на основе сенсорного и практического опыта выделять значимых для него людей, предметы, события посредством обозначения их простейшими значениями слов, и, во-вторых, способность выделять детьми 7–10 лет объекты, обобщая их в форме простейших понятий. «На вышеупомянутом этапе развития деятельности и общения окружающая действительность именно в *понятиях* начинает выступать для людей в качестве *объекта* (а не только как система раздражителей и сигнальных раздражителей). Объект существует только соотносительно с субъектом, а субъект возникает, действует, живет лишь во взаимосвязи с объектом и с другими людьми как субъектами» (там же, 2002, с. 13).

По существу, способность к выделению себя из мира объектов и субъектов, с одной стороны, характеризует ребенка как личность, которой уже исходно присущи субъектные характеристики. С другой стороны, способность к выделению из окружающего мира можно считать «началом» развития субъектности, необходимым условием становления жизненного пути личности в том смысле, в котором это трактовалось С. Л. Рубинштейном.

Второй аспект принципа субъекта – формирование своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей. При обсуждении личностного принципа был сделан акцент на развитии у человека социально-психологических особенностей, которые оформляются в виде характера и позволяют человеку адаптироваться к среде, а также развивать свою индивидуальность. Однако нередко, формирование у ребенка устойчивых мотивов и ценностей идет вопреки развитию его природных дарований и способствует появлению неистинного, т. е. фальшивого Я. Способность к осуществлению гармоничного сочетания разных по своему уровню свойств индивидуальности, к полному и гибкому проявлению своей идентичности характеризует человека как субъекта собственной жизни. Интеграция природных особенностей позволяет исследовать, осознать и принять не только свои ограничения, но и свои возможности, актуализировать компенсаторные механизмы, способствующие редукции негативных эмоций, вызванных оценкой своей заданной природой неполноценности, а также развить умения и способности, реализуемые в другой сфере деятельности. Целостность, характеризующая субъекта, не только объемнее того, что интегрировано в личности, но и иначе организована; она отличается природой, функциями, характером связи с миром. Субъект вносит нечто свое в социальное окружение, и не только. Он влияет, изменяет, перестраивает мир, одновременно изменяясь сам. Его самосознание, как говорит Рубинштейн, не замкнуто на нем самом. Будучи субъектом, он оказывается включенным в свое бытие и только опосредованно, через соотношение показаний самонаблюдения с данными объективного внешнего поведения, активно исследует и познает себя. Познавательная функция субъекта в итоге заключается в стремлении регулировать связи с действительностью с целью наиболее полной, адекватной, построенной на нравственных основаниях реализацией своей жизни. «И именно в этом – в богатстве объективного и, особенно, общественного, человеческого содержания, которое через действие проникает в субъект, а не в простом делании или субъективной активности и заключается значение действия в формировании человека, его сознания» (Рубинштейн, 1959, с. 162).

Третий аспект принципа субъекта был соотнесен нами со стремлением человека к автономности. Необходимо отметить, что со стремлением личности к автономности тесно связаны два предыдущих аспекта – выделение себя из мира объектов и других субъектов и формирование интегрированной идентичности. А. В. Брушлинский писал, что человек стремится к выделению, а не к отделению себя от мира. Представляется, что характеристика стремления к автономности важна именно с этой точки зрения, т. е. с точки зрения того, чтобы объяснить ее необходимость для субъекта и при этом показать принципиальное отличие от механизмов отделения, отчуждения, изоляции от мира. Триада «выделение – интеграция идентичности – автономность» представлена таким образом, что первая составляющая связана с *переживанием* себя как отдельного субъекта, вторая – с *представлением* о себе как об особом субъекте, а третья – с *независимым функционированием*, т. е. с проявлением собственных чувств, утверждением взглядов, высказыванием мнений, совершением поступков, которые имеют четкое авторство – утверждение себя как субъекта своей жизни.

Четвертый аспект принципа субъекта – организация отношений субъекта с объектами и другими субъектами в пространстве Бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути – проявляется в интеграции себя в пространство своей жизни. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, категория субъекта, которая объединяет в себе три принципа – способ организации жизни и деятельности, способ разрешения противоречий и совершенствование, обозначает высший уровень развития личности. Она отмечает, что акт становления личности субъектом имеет «временную протяженность всей жизни и ее предельность» (Абульханова, 2005, с. 12), и, «становясь субъектом, личность выступает в новом качестве» (там же, с. 16).

Определяя специфику активности субъекта, мы характеризовали ее как способность человека к предсказанию своего жизненного пути (его направленности, достижений, препят-

ствий и др.), а также к его регуляции средствами ретросказания при обращении к своему опыту (Харламенкова, 2010). Активность субъекта проявляется в особой временной развертке, представленной *ретроспективной* и *перспективной*. Ее принципиальное отличие от классической триады «прошлое – настоящее – будущее» состоит в свободе ментального передвижения в пространстве времени, учитывая законы *обратимости* мысли. При этом движение может происходить как попеременно, так и одновременно в обоих направлениях. В последнем случае это необходимо тогда, когда ожидаемое событие является следствием переоценки свершившегося и определяется степенью его проработки. Отсутствие некоторой точки отсчета (например, фиксированного настоящего) снимает проблему прерывности жизненного процесса и его строгое разграничение в соответствии с метрикой физического времени. Безусловно, активность субъекта проявляется в его деяниях и умонастроениях, в его продуктивности и не может быть изолирована от деятельности, бытия (Трубников, 1987), однако, с нашей точки зрения, активность в реальной деятельности обусловлена способностью субъекта ментально выходить за ее границы, тем самым обеспечивая ее наибольшую оптимальность, недизъюнктивность, перспективность, осмысленность и результативность.

Было показано, что ретроспектива как обращенность субъекта к своей истории конструируется методом ретросказания, позволяющим представить ее не только образно, но и вербально, т. е. путем символизации опыта с помощью слова. Психологическими механизмами выступают *регрессия*, *эмоциональная переоценка* и *когнитивная реконструкция*, с помощью которых осуществляется процесс восстановления своей истории по неполным данным. Перспектива как продолжение субъектом своей истории строится средствами предсказания, которые в отличие от научного метода предвидения включают в себя ожидания, связанные с достижением благополучия и успеха. Тем не менее активность субъекта в форме предсказания учитывает не только возможность достижения успеха, но и вероятность неудачного исхода события в будущем, однако последняя чаще всего планируется как возможность, которую следует обойти, избежать. Психологическими механизмами выступают *антиципация* и *мотивационное опосредствование*.

Взаимное функционирование психологических механизмов как реализация активности субъекта позволяет понять природу этого процесса, представить его в неделимости на отдельные топологии с фиксированной хронологией (прошлое, настоящее, будущее). Описанные механизмы относятся к разным составляющим активности субъекта, отражая в своем единстве мотивационные, эмоциональные, когнитивные и коммуникативные процессы. Специфичность этих процессов относительно ретроспективы и перспективы не исключает возможности их взаимопересечения и взаимообуславливания. Такое взаимодействие проявляется в том, что эмоциональная переоценка эпизодов личной истории может стать причиной формирования новых предпочтений относительно перспективных вариантов этой истории, и, наоборот, изменение субъективной ценности ожидаемых достижений способно повлиять на интерес к прожитому и вызвать эмоциональные переживания, сопутствующие процессу ретросказания. Аналогичным образом антиципация, которая проявляется, например, в форме целеполагания, инициирует воспоминания об идентичных планах в прошлом, активизирует поиск причин их неудачного воплощения, который, в свою очередь, опосредствует процесс антиципации. Эти аналогии позволяют нам сделать вывод о том, что активность субъекта, представленная в ретроспективе и перспективе жизни, непрерывна и определяется двумя базовыми особенностями – своей *обратимостью* и *внутренней связанностью*, т. е. возможностью проживания разных эпизодов личной истории – истории длинной в жизнь, между которыми существует «смысловая перекрестная связь» (К. Юнг). Выходя за пределы актуального времени, охватывая в своем единстве ретроспективу и перспективу жизни, активность способна нарушать ее границы, находя продолжение в продуктах своего жизнетворчества.

Итак, методология настоящего исследования основана на личностном принципе, принципе развития и принципе субъекта, которые в целом определяют круг наиболее общих представлений о проблеме самоопределения человека в мире как об одном из серьезных философских вопросов. Этот поиск продолжается всю жизнь, в иных случаях выходит за ее границы, воплощаясь в продуктах своего житнетворчества.

Пути решения поставленной проблемы, безусловно, разнообразны, прежде всего, потому что сугубо философский вопрос может быть переформулирован в терминах методологии конкретного научного знания, например, методологии социологии, истории, психологии и др., которая, конечно, достаточно специфична.

Для психологии важным остается принцип, согласно которому, личность как проблема исследования выступает двояко – и как объект такого исследования, и как субъект. Личность как объект предстает в статичном виде, «теряет» свои рефлексивные характеристики в том смысле, что они практически не учитываются в процессе психологического исследования. Личность как субъект исследования представляется подвижной, динамичной, рефлексивной, живой системой, способной изменяться в пределах, заданных биологическими и социальными ориентирами, по-разному проявлять себя во всем многообразии бытия. Кроме того, она способна ставить и искать ответы на один из сложнейших экзистенциальных вопросов, который только может задать себе человек: «В чем заключается смысл человеческой жизни и, в первую очередь, в чем смысл моей собственной жизни?». Ему предшествует другой вопрос: «Кто я такой?», а последний закономерным образом возникает из опыта переживаний, который в чувствах, мыслях, ощущениях определяется так: «Я есть». Инвертируя эту цепочку открытий, получаем, что сначала появляется опыт, благодаря которому ребенок обнаруживает, что он сам и его мама являются двумя отдельными людьми (появляется чувство «Я есть»). Потом формируется и постепенно интегрируется идентичность (у каждого человека в разной степени обобщенности и единства), и ставится вопрос «Кто я?», который, по существу, не снимается полностью никогда. Проблема осмысленности жизни, ее глубины и богатства появляется как следствие серьезной внутренней работы, направленной на интеграцию идентичности, а также в результате осознания человеком не только своей отдельности и уникальности, но и включенности в мир.

1.5. Принцип единства человека и его бытия

Принципиальная неотчуждаемость человека от своего бытия и одновременно переживание и осознание им своей особенности, отдельности создают глубокое и устойчивое ощущение сопричастности единичного человека миру и необходимость постоянно доказывать уместность своей роли в общем процессе жизни. На психологическом уровне это фундаментальное основание человеческого существования проявляется в виде не всегда гармоничного, а часто и противоречивого процесса социализации личности, в ходе которого возможно доминирование одной из двух тенденций – тенденции идентифицироваться с социальными ролями и тенденции разотождествляться с ними. Для К. Юнга эти тенденции часто проявляются последовательно в жизни человека: интроекция внешнего – в первой половине жизни, избавление от интроецированного содержания и путь к себе – во второй половине. Поиск своего места в мире может быть замкнут на описании ролей, выполняемых человеком в обществе, и на идентификации с ними либо на таком же наивном и некритичном принятии суждений других людей (прежде всего, суждений родителей) о себе. Описывая процесс индивидуации, Юнг и его последователи отмечают, что он происходит в двух направлениях и представляется как аналитическое (*separatio*) и как синтетическое (*coniunctio*) движение. Первое определяется как дифференциация, аналитическая сепарация и «включает расчленение выкованной человеком идентичности, отделение ее как фигур и содержаний, имеющих изначальную основу во внепсихической реальности (т. е. в других людях и объектах), так и тех, что укоренены в первую очередь в самой психике (так называемые внутренние фигуры...)» (Стайн, 2009, с. 19). Второе предполагает приобщение к коллективной психике, «к проявлению архетипических образов коллективного бессознательного...» как сознательное интегрирование его содержаний. Юнг описывает эти процессы в качестве внутренних, т. е. процессов, происходящих в психике человека, хотя понятно, что они не исключают внешних проявлений – вербальных оценок, поведенческих реакций, эмоций и чувств. Однако это – лишь необходимое уточнение осуществления процесса индивидуации, а в целом нам хотелось бы обратить внимание на то, что для полноты методологического анализа изучаемой философской проблемы – поиска человеком своего места в мире и формулируемой на ее основе психологической проблемы – внутренней и внешней сепарации личности, систему философских принципов исследования важно дополнить *принципом единства человека и его бытия*. Этот принцип тесно связан с принципом развития и принципом субъекта, в которых, однако, не полностью представлена инициативная роль человека. В принципе субъекта содержится идея его активности, однако эта активность мыслится в основном как регуляция собственных личностных особенностей, их организация и реализация в процессе жизненного пути, который рассматривается как уникальный способ жизни. Поиск человеком своего места в мире не может быть осуществлен без сопоставления себя, своего мира с миром в целом, без оценки своего вклада в коллективное, общественное, общечеловеческое. Когда учитывается такая система как «Я в бытии», тогда с необходимостью возникает вопрос об организации этой системы, о принципах ее функционирования. Мы полагаем, что эти принципы многообразны и не могут быть сведены к единственно верному. Тем не менее наш собственный интерес направлен на обсуждение одного из них, а именно на анализ принципов интеграции системы и ее дифференциации, через *механизмы отождествления и разотождествления*. Сразу же отметим, что механизмы отождествления и разотождествления могут проявляться как внутренние, интерпсихические, так и внешние, интрапсихические, но в целом принципы их функционирования остаются идентичными. Обсуждая эти механизмы на уровне методологии, мы не склонны проводить их детальную дифференциацию, которая, однако, возможна на уровне теории и эмпирии.

Поставленная нами философская проблема поиска человеком своего места в мире в ее конкретно-научном аспекте – проблема психологической сепарации личности – в большей степени согласуется с механизмом разотождествления человека с другими людьми, с бытием. Тем не менее практика показывает, что индивидуация и сепарация не могут быть представлены отдельно от социализации, а значит, механизмы отождествления не могут быть выведены за рамки методологического анализа проблемы разотождествления человека с миром.

Обсуждая в свое время проблему опосредствования (Харламенкова, 2008), мы утверждали, что ее анализ невозможен без изучения непосредственного знания, ведь если абстрагировать одно знание от другого, то вопрос о том, каким является конкретное событие – непосредственно или опосредствованно воспринимаемым – будет неуместным, поскольку «любой факт действительности или мышления с равным основанием может считаться как опосредованным (т. е. всегда можно найти нечто промежуточное, посредством которого этот факт существует), так и непосредственным (поскольку можно обойтись без этого промежуточного члена)» (Философская энциклопедия, 1967, с. 148). Тем более, что, несмотря на противопоставление непосредственного и опосредствованного видов знания, соответственно связанных с чувственным созерцанием и рациональным обоснованием, усвоение первого стало ассоциироваться не только с чувствованием, но и с интеллектуальным познанием, т. е. с прямым усмотрением истины, с созерцанием посредством ума, а второе оказалось тесно связанным с исходной чувственной основой. Было показано, что непосредственное знание не всегда есть нечто недоказуемое, но часто безусловно очевидное, поэтому и не требующее никаких доказательств.

Договорившись, таким образом, о том, что рассматриваемый нами принцип важен во всей полноте своего содержания, перейдем к его обсуждению, прежде всего, к важной идее об отождествлении и разотождествлении человека с другими людьми и с миром в целом.

Тождество предполагает равенство объектов, совпадение их существенных признаков. *Отождествление* как процесс ориентирован на сопоставление объектов в определенном интервале времени с целью обнаружения их сходства, совпадения. Тенденция субъекта к отождествлению себя с другими людьми связана с желанием считать себя принадлежащим к ним, идентифицироваться с ними, прежде всего, для преодоления чувства опасности и одиночества. Однако в таком отождествлении скрыты и другие мотивы. Э. Эриксон утверждает, что стремление юношей и девушек стать участниками неформальных объединений или желание постоянной смены партнеров является показателем диффузной, т. е. спутанной, идентичности. В присоединении к группе, в отождествлении с ней можно увидеть стремление юноши или девушки к тому, чтобы найти себя, ответить на вопрос «Кто я?». Отождествление, переходящее в слияние с другим человеком, снимает проблему ответственности, но усиливает чувство страха, сепарационную тревогу, которые сопутствуют этому симбиотическому состоянию. В норме процесс отождествления способствует установлению коммуникации, доверительному общению. Эмпатийное отождествление несет терапевтический эффект, позволяет партнеру принять отвергаемые им характеристики и идентифицироваться с ними. Именно поэтому отождествление сопровождается познанием другого объекта и самопознанием, через приемы сравнения и символизации это открывает человеку путь к себе.

Отождествление выступает основой *единства* человека и его бытия, которые могут мыслиться только в таком виде. «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65). Отсюда, как говорит Рубинштейн, бытие не может быть сведено к вещам, к объективной реальности и противопоставлено субъекту. Через познавательное отношение к миру, к другому человеку субъект познает и себя, и пытается определить свое место в этом мире, прежде всего, как сознательного и действенного, активного субъекта. Механизм *отождествления*, таким образом, позволяет субъекту

екту открыть в себе сугубо человеческие качества, понять свою активную роль в мире бытия, осваивать и изменять его, меняя себя. Через отождествление открывается все многообразие человеческого существования, показывающее одновременно со сходством и различия, варианты жизни.

Разотождествление можно было бы описать как противоположный по направленности процесс, способствующий разъединению, разобщению, разделению. Именно таким часто и видится процесс сепарации, что создает неверное и неполное представление о нем. Даже практикующие психологи часто ошибаются, рассматривая разотождествление, сепарацию как самоцель, как задачу, которая состоит в том, чтобы клиент справился с сепарационной тревогой, отделившись от родителя. Как общечеловеческая стратегия жизни разотождествление вызвано, прежде всего, стремлением к самосохранению, а также потребностью в поиске себя, в открытии своей индивидуальности. Это подтверждает Ж.-М. Кинодо, когда говорит, что болезненная реакция на разотождествление в то же время является структурирующим переживанием, поскольку «восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас» (Кино-до, 2008, с. 15).

Потребность в самосохранении как причина стремления к раз-отождествлению имеет как индивидуальный, так и видовой характер. В последнем случае разотождествление обеспечивает разнообразие, вариативность, разброс в проявлении человеческих свойств, что всегда рассматривается как основание для выживания вида и его адаптации. Обсуждая проблему личного и коллективного бессознательного, К. Юнг писал, что «игнорирование индивидуального означает, естественно, ухудшение всего уникального, посредством чего в сообществе искореняется элемент развития... Как следствие в отдельном человеке... процветает только общественное и всякого рода коллективное, а все индивидуальное осуждено на гибель, т. е. на вытеснение» (Юнг, 1994, с. 210).

Для отдельного субъекта самосохранение через разотождествление тоже имеет глубокий смысл, поскольку в симбиозе с другим объектом человек теряет не только свою индивидуальность, но и право на инициативу, и становится полностью зависимым от Другого, чье мнение может оказаться неверным и даже опасным. Простым примером является разница между людьми в типах темперамента и, соответственно, в способах компенсации темпераментальных свойств в тех ситуациях, которые требуют дополнительных ресурсов. В этом случае ориентация на человека с другим типом темперамента и игнорирование своих особенностей может привести к эмоциональному выгоранию и снижению уровня активности, а также к более серьезным последствиям – к болезням и физическим травмам. Кроме потребности в самосохранении, разотождествление привносит в отношения между людьми эффект новизны, позволяет субъекту развивать свою идентичность, переживать свои подлинные чувства, совершать поступки, которые не были навязаны ему извне, но которые присущи ему самому. Именно разотождествление высвобождает идентичность из уз зависимостей, открывая перед человеком его природу и его дух, позволяет на новом уровне общения строить отношения с близкими людьми.

Можно ли утверждать, что разотождествление является одним из процессов, способствующих поиску человеком своего места в мире? Думается, что можно, ведь разотождествляясь, например, со значимыми людьми, субъект не дистанцируется от них, не разлучается с ними, а, наоборот, осваивает новые формы отношений, используя их вместо тех, которые уже изжили себя. Благодаря раз-отождествлению как способу упрочения своих позиций в мире осуществляется не столько разграничение (разделение) бытия на свое и чужое, не столько его пространственная дифференциация, сколько особое понимание бытия человеком, открытие бытия для себя, постижение его смысла, как уникального для данного субъекта. Разотождествление, конечно, может сопровождаться негативными явлениями – сильными эмоциональными реакциями, неадекватными действиями, неуверенностью вследствие потери опоры, авторитет-

ной фигуры, которые не всегда воспринимаются как естественные и поэтому как преодолимые. Однако, способствуя развитию рефлексии и сопровождая ее, идентификация с Другим заменяется самоидентификацией, самоидентификацией, но не в пространстве своего внутреннего мира, а в пространстве бытия, которое тоже открывается заново.

Оба процесса – отождествление и разотождествление функционируют в своем единстве на всем протяжении жизненного пути личности и создают основу для осуществления динамической целостности человека и бытия. Средствами отождествления раскрывается стремление субъекта к пониманию своей человеческой природы, а также к преодолению чувства одиночества и опасности; разотождествление ведет к индивидуальному своеобразию, к созданию особой бытийности, к раскрытию уникальной позиции конкретного человека в мире.

Обобщая методологические принципы научного исследования проблемы поиска человеком своего места в мире, выделенные нами, подчеркнем, что среди важнейших следует отметить личностный принцип, принцип развития и принцип субъекта, а также принцип единства человека и его бытия.

По существу, каждый из принципов раскрывает в человеке определенную сторону его жизненного устремления к самоосуществлению, и по-разному объясняет это устойчивое желание найти себя в мире.

Следует попытаться очертить изучаемую проблему в целом, опуская маловажные детали, и показать место каждого из обсуждаемых выше принципов в контексте ее философского обоснования, «мировоззренческого осмысления». По-видимому, начать методологический анализ проблемы стоит с представления ее в виде некоторого парадокса. Парадоксальность поиска смысла жизни, поиска человеком своего места в мире состоит в том, что, с одной стороны, субъект представляет собой и часть человечества вообще, и часть бытия, центром которого он является, но, с другой стороны, как только мы пытаемся объяснить природу человека именно таким образом, он теряет свою человеческую сущность, поскольку перестает быть индивидуальностью. Х. Плеснер пишет: «Сознание индивидуальности собственного бытия и сознание контингентности этой совокупной реальности необходимо даны вместе и требуют друг друга. В собственной его безопорности, которая одновременно запрещает человеку иметь опору в мире и открывается ему как обусловленность мира, ему является ничтожность действительного и идея мировой основы» (Плеснер, 1988, с. 150). Получается, что субъект отчуждается от мира, чтобы вернуться к нему, но уже в другом качестве. Если же он остается в мире, ища в нем опору, т. е. не обнаруживая своей индивидуальности, то он теряет не только себя, но и мир как таковой, поскольку перестает их различать, перестает дифференцировать мир и себя. Думается, что в разрешении каждым человеком этого парадокса и заключена суть человеческой жизни, человеческого существования, хотя понятно, что разрешить его не представляется возможным, но можно, однако, ориентироваться на него, распознавать его, а значит, и стремиться к познанию своей природы, индивидуальности, уместности. «Эти два образа – меня и моей ситуации по отношению к другим субъектам – не могут слиться воедино, эти две перспективы не могут совпасть. Я колеблюсь в довольно жалком состоянии между ними. Если я буду ориентироваться на перспективу субъективности, то погружу все в себя, и, жертвуя всем во имя своей уникальности, я приду к абсолютному эгоизму и гордыне. Если я буду следовать перспективе объективности, я буду поглощен всем, а растворяясь в мире, изменяю моей уникальности и уступаю своей судьбе» (Маритен, 1988, с. 237).

Взаимосвязь обсуждаемых выше принципов в целом определяет общеметодологические основания теоретического и эмпирического исследования проблемы сепарации личности, отражающие отношение авторов настоящей книги к изучаемой проблеме. В этой системе принципов *личностный принцип* указывает на два важных положения, первое из которых состоит в том, что формирование человека как личности происходит в определенной *системе отношений*, в мире, прежде всего, в отношениях между родителями и ребенком, становление которых

происходит еще до момента его рождения; второе положение, раскрывает суть принципа детерминизма, сформулированного С. Л. Рубинштейном как «внешнее через внутреннее» и заключается в том, что внешние воздействия преломляются через внутренние условия, т. е. через мотивацию, ценности, опыт личности. Однако, как отмечалось выше, личностные особенности нередко служат человеку для приспособления, адаптации к определенному социальному окружению, к обществу, в котором он живет. В этом смысле в личностном принципе обнаруживается, если можно так сказать, «центробежная» сила, экстернальная установка, направленность на мир.

Уравновешивание направленности человека на мир происходит при актуализации направленности на себя, которая имеет «центростремительную силу». Эта сторона исследования раскрывается при введении в систему *принципа субъекта*. Определены четыре аспекта анализа этого принципа, которые, как было показано выше, связаны 1) со стремлением к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов, 2) с формированием своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей, 3) со стремлением к автономности и 4) с организацией отношений с объектами и другими субъектами в пространстве бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути. Субъект – это тот, кто способен к регуляции своих личностных и природных особенностей, к их интеграции и к проявлению своей индивидуальности при стремлении к свободе. Ж. Маритен пишет: «В движении по лестнице бытия к более высоким его ступеням мы имеем дело с субъектами существования, с основаниями, все более и более богатыми в своей внутренней сложности, чья индивидуальность все более и более концентрирована и интегрирована... На этой последней ступени преодолевается порог свободы выбора и одновременно порог собственно независимости (при всем его несовершенстве) и личности: с появлением человека свобода спонтанности становится свободой автономии, *suppositum* становится *persona* – целым, которое бытийствует и существует в силу самого бытия и существования души, само дает себе цели, является самостоятельным универсумом...» (Маритен, 1988, с. 232).

Человек является субъектом своего жизненного пути, поэтому реализация в нем личностного и субъектного невозможна без учета координат развития, без оценки его жизненных ориентиров. *Принцип развития* открывает новые возможности для теоретического осмысления проблемы сепарации личности как *непрерывного* и *циклического* процесса, повторяющегося в разные периоды жизни в связи с тем, что соотношение центробежных и центростремительных процессов постоянно меняется и качество и механизмы связи между социальным и индивидуальным также приобретают особое выражение.

Введение еще одного принципа – *принципа единства человека и его бытия* было обусловлено тем, что субъект является активной движущей силой своего бытия, и его изучение вне этого бытия было бы неоправданно упрощено. Рассматриваемый принцип позволяет расширить пространство исследования и понять природу функционирования Я в бытии, которая раскрывается, согласно нашему подходу, через анализ взаимодействия механизмов отождествления и разотождествления. Средствами отождествления, как было показано выше, обнаруживается стремление субъекта к пониманию своей человеческой природы, а также к преодолению чувства одиночества и опасности; разотождествление ведет к индивидуальному своеобразию, к созданию особой бытийности, к раскрытию уникальной позиции конкретного человека в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.